

УДК 347.132

ЗАЯВЛЕНИЕ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ДОКТРИНЫ

© 2019 г.

В.А. Гончарова

Томский государственный университет, Томск

leran@sibmail.com

Поступила в редакцию 15.09.2018

Предлагается новая трактовка п. 5 ст. 166 ГК РФ, основанная на квалификации признания сделки ничтожной как способа защиты гражданских прав, а также на учении об отказе в защите права как реакции суда на недобросовестное поведение участников гражданских правоотношений. С использованием формально-юридического метода, а также методов грамматического и системного толкования автором делается вывод, что заявление о недействительности, о котором идет речь в п. 5 ст. 166 ГК РФ, характеризуется исключительно как заявление о ничтожности, но не об оспоримости сделки. При этом отказ суда придавать юридическое значение сделанному заявлению является формой отказа в защите права лица, сделавшего такое заявление, вследствие его недобросовестного поведения по отношению к контрагенту (п. 3 ст. 10 ГК РФ).

Ключевые слова: заявление о недействительности, ничтожность сделки, добросовестность, отказ в защите права, недействительность сделок, злоупотребление правом.

Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Введение принципа добросовестности как самостоятельного начала гражданского права стало результатом крупномасштабного реформирования гражданского законодательства, в программных документах которого была особо отмечена необходимость придания принципу добросовестности более весомого значения. Данная необходимость обусловлена тем, что «эффективное развитие рынка невозможно без укрепления начал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении эгоистических интересов таит в себе способность дестабилизации оборота, так как привносит в него элементы, на которые не рассчитывает добропорядочное общество» [1, с. 10]. В качестве предложения по совершенствованию законодательства разработчиками текста данной Концепции предусматривалось закрепление принципа добросовестности и его формулирование таким образом, «чтобы его действие охватывало все элементы правовой системы, чтобы он оказывал общее воздействие на развитие гражданского правоотношения» [1, с. 11]. Наряду с этим отмечалась особая важность ревизии всех норм ГК РФ, содержащих ссылки на добросовестность, и при необходимости исключения этих ссылок, однако главу

ГК РФ «Сделки» следовало подвергнуть «специальной ревизии на предмет исключения возможности для недобросовестного участника сделки извлечь выгоду в результате признания сделки недействительной» [1, с. 11].

Одним из итогов реформы гражданского законодательства явилось закрепление в абз. 4 п. 2, п. 5 ст. 166 ГК РФ, а также абз. 2 ст. 167 ГК РФ некоторых отдельных проявлений принципа добросовестности как одного из условий, определяющих возможность защиты прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. Такая защита достигается при этом за счет предъявления ими требований, вытекающих из недействительности сделки, и их удовлетворения.

Вопросы определения сферы применения абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ в настоящее время разрешены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (далее – Постановление Пленума от 23.06.2015 г. № 25), в п. 70 которого отмечается, что сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на

действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ). При этом, по смыслу приведенного пункта Постановления Пленума от 23.06.2015 г. № 25, абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ применим исключительно к ситуации оспоримой сделки (п. 72), в то время как п. 5 данной статьи носит своего рода характер общего правила, иными словами – применим как к оспоримым, так и к ничтожным сделкам. Приведенная позиция Пленума Верховного Суда РФ последовательно реализуется в судебной практике (Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2016 г. № 16АП-1637/2016 по делу № А63-927/2016, Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2015 г. по делу № А44-2003/2014 и др.).

У такого судебного толкования закона имеется много сторонников в цивилистической доктрине [2–5]. Однако, как представляется, имеются основания рассматривать подобное правоприменительное решение как недостаточно теоретически обоснованное. Правовая природа оспоримой сделки предполагает ее квалификацию как действительной до момента успешного судебного оспаривания. Как отмечается в литературе, пороки, влекущие недействительность сделки, сами по себе в случае оспоримости не лишают сделку юридической силы: «такая сделка является действительной и вызывает именно те последствия, на которые она была направлена» [6, с. 370]. Оспаривание сделки, иначе – указание суду на наличие порочащих ее обстоятельств, влечет аннулирование им правовых последствий такой сделки, совершенного в рамках ее динамики исполнения, утрату правооснования передачи имущества в рамках оспоренной сделки и необходимость применения последствий недействительности сделки. Признавая сделку недействительной, суд выносит тем самым преобразовательное [7] по своему характеру решение, воздействуя на спорные правоотношения, порожденные оспоримой сделкой, с обратной силой прекращая возникшие из нее права и обязанности.

С учетом изложенного следует отметить, что правило, установленное в п. 5 ст. 166 ГК РФ, принципиально не может быть применено к ситуации оспоримой сделки, поскольку содержит указание на полагание действительности не относящимися к сторонам сделки участникам гражданского оборота, что в случае оспоримости – изначально действительности и лишь затем недействительности с момента совершения – полностью лишено смысла [6].

Есть основания не согласиться с позицией ряда ученых о возможности использования термина «конвалидация (исцеление)» в отношении

оспоримой сделки [4, 5, 8, 9], о его широкой трактовке как «совокупности действий сторон порочной сделки и/или суда, приводящих к исцелению такой сделки, в результате чего сделка становится неопровержимой, незыблемой для права» [4, с. 65]. Как отмечается Д.О. Тузовым, исцеление «как логико-юридическая проблема имеет значение лишь применительно к ничтожности. Исцеление (конвалидация, подтверждение) оспоримой сделки представляет с точки зрения последствий качественно иное явление... последствием исцеления оспоримости, в отличие от исцеления ничтожности, выступает не придание сделке юридической силы (ибо она и так действительна с момента ее совершения), а просто отпадение у подтвердившего сделку лица права на ее дальнейшее оспаривание» [10]. Иными словами, сторона оспоримой сделки, узнав о пороке в ее структуре, «смиряется» с ним и для себя признает сделку состоявшейся, порождающей соответствующие права и обязанности, на что ее контрагент добросовестно полагается; исцеление в данном случае представляет совершенно иное, в отличие от исцеления ничтожной сделки, явление, что исключает формулирование некоего единого и универсального для оспоримых и ничтожных сделок понятия конвалидации.

Концепцией совершенствования общих положений гражданского законодательства, а также разработанной позже на ее основе Концепцией развития гражданского законодательства РФ (п. 5.1.4) [11, с. 21] в развитие общего принципа добросовестности предполагалось введение правила о последующем подтверждении (одобрении) оспоримой сделки, предполагающее утрату права на оспаривание сделки стороной, осведомленной или должной быть осведомленной о наличии порока, способного привести к недействительности, однако продолжавшей ее исполнение. Именно такое проявление принципа добросовестности было закреплено в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ.

В отличие от оспоримой, ничтожная сделка представляет собой изначально не влекущий возникновения прав и обязанностей юридический факт, не требующий таким образом наличия судебного преобразовательного по характеру судебного решения. Именно такая сделка может быть конвалидирована судом и получить тем самым юридическую силу, став действительным юридическим фактом, способным породить соответствующие права и обязанности. Такая конвалидация в настоящее время прямо допускается законом в отношении сделок с пороками формы (ст. 165 ГК РФ) и субъектного состава (ст. 171, 172 ГК РФ). При этом, как

справедливо отмечается в цивилистической литературе, придание юридической силы ничтожной сделке как сделке недействительной в силу особых, серьезных с точки зрения публичного порядка оснований [12] является исключительной мерой, связывается с необходимостью защиты слабой стороны в сделке и совершается к ее выгоде [13, с. 72].

Ничтожность сделки лишь констатируется судом, при этом такая констатация входит в его обязанности как часть требования полного и всестороннего исследования обстоятельств по конкретному делу с целью вынесения законного и обоснованного решения (ч. 1 ст. 195 Гражданского процессуального кодекса РФ, с. 4 ст. 15 Арбитражного кодекса РФ) и не зависит от заявления конкретных лиц. При подобной трактовке, однако, закономерно возникновение вопроса о правовом содержании п. 5 ст. 166 ГК РФ, устанавливающего право суда не принимать во внимание заявление лица о ничтожности сделки в том случае, когда ссылающееся на недействительность лицо сделки действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Подобное правило еще до реформирования гражданского законодательства в соответствующей части было сформировано на уровне практики Высшего Арбитражного Суда РФ еще в *Постановлении Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 г. № 16996/09*. В настоящее время п. 5 ст. 166 ГК РФ стал предметом доктринального анализа как в комментариях действующего законодательства, где в большинстве случаев отмечается его применимость в отношении ничтожных, а также и оспоримых сделок и не указывается на последствия совершения заявления о недействительности в случае ничтожности [14], так и в научных публикациях.

Так, по мнению Е.А. Останиной, п. 5 ст. 166 ГК РФ выступает примером классического и традиционного для англо-американской правовой семьи принципа эстоппель, предполагающего запрет противоречивого договорного поведения, и подлежит применению как к оспоримым, так и к ничтожным сделкам. Причем в последнем случае, по мысли автора, не идет речи об исцелении ничтожной сделки: «сделка не становится действительной, если помимо лица, заявляющего о недействительности и действовавшего недобросовестно, есть и другие лица, имеющие право заявлять о недействительности... Речь идет скорее о том, что в рамках определенного спора, будь то спор о признании сделки недействительной, взыскании долга, зачете встречных однородных требова-

ний или иной, довод стороны о недействительности сделки не принимается судом во внимание» [15]. Схожей точки зрения придерживается М.А. Церковников, отмечая, что в п. 5 ст. 166 ГК РФ речь идет о феномене относительной ничтожности, при которой лицо, действия которого привели к ничтожности, не может ссылаться на нее, что, однако, не означает утрату такого права у иных, заинтересованных лиц [16].

Особого внимания заслуживает точка зрения Д.О. Тузова, который, критически комментируя положение п. 5 ст. 166 ГК РФ, указал: «Ведь, по сути, если речь идет не о негационном иске (в изложении автора – иске о признании ничтожности сделки. – В.Г.), такое заявление (о недействительности. – В.Г.) и без того не имеет правового значения, а представляет собой просто указание суду на вывод, который тот может и должен делать самостоятельно, без подсказок со стороны участников процесса. Таким образом, при буквальном толковании такой нормы получается противоречие: с одной стороны, возражение недобросовестной стороны о ничтожности суд должен проигнорировать, а с другой – само по себе это не отменяет его обязанность констатировать ничтожность *ex officio*» [6, с. 409]. Системно анализируя положения норм о недействительности сделок, автор, однако, определяет сферу действия комментируемого положения и указывает на случаи «фактической конвалидации ничтожной сделки», где это может быть справедливым и уместным и не нарушать интересы третьих лиц и оборота [15]. По мнению Д.О. Тузова, данный пункт может применяться в ситуациях, когда ничтожность является следствием нарушения требований закона к форме сделки; когда имеет место совершение сделки без согласия третьего лица, когда в силу закона такое нарушение влечет ничтожность сделки; когда ничтожность установлена в защиту одной из сторон договора от злоупотреблений ее контрагента, при этом на ничтожность ссылается не сама эта сторона, а ее контрагент, допустивший злоупотребление. На это же указывает и Ю.В. Старцева, отмечая, что «возникают вопросы о том, насколько соответствует природе ничтожной сделки, которая с самого начала сама по себе объективно недействительна, то, что лицо не сможет реализовать свое право на применение реституции, а также насколько правила п. 5 ст. 166 ГК РФ согласуются с общими представлениями о злоупотреблении правом, соотношении материального права и процесса, об обязанностях суда, основаниях обязательной силы договора» [3].

Следует согласиться с изложенными позициями в том, что формально реакция суда на

заявление о ничтожности сделки, не принимаемого во внимание в случае недобросовестности сделавшего его лица, не совсем согласуется с общетеоретическим, доктринальным подходом к ничтожности как виду недействительности сделок, уточнив, однако, следующее.

Заявление о ничтожности сделки, сделанное лицом при прежнем восприятии для себя сделки как действительной и знании о пороке в сделке, приводящем к ничтожности, думается, следует квалифицировать как форму злоупотребления им своим правом на предъявление требования о признании ничтожной сделки недействительной, иначе – формой злоупотребления правом, которое запрещено согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ. Основным последствием злоупотребления правом как формы недобросовестного поведения при этом по смыслу п. 3 ст. 10 ГК РФ выступает отказ в защите права – санкция относительно-определенного характера, предполагающая возможность для правоприменителя выбрать конкретную форму отказа в защите права, которая «в необходимой мере соответствует характеру данного конкретного случая»: отказ в принудительном осуществлении права; отказ в конкретном способе защиты; лишение правомочий на результат, достигнутый путем недозволенного осуществления права; лишение субъективного права в целом и др. [17, с. 89]. Критически оценивает подобную квалификацию отказа в защите М.А. Егорова, обратившая внимание на то, что суд, отказывая недобросовестному лицу в защите его права, не лишает его ни субъективного права, ни принудительной возможности его осуществления, но по существу только блокирует такую возможность, тем самым наказывая недобросовестное лицо за его поведение по отношению к контрагенту и третьим лицам [18].

Данную позицию следует признать обоснованной, уточнив, однако, что отказ в защите права является сущностно обусловленной санкцией в отношении недобросовестного лица. Отказывая в защите права, суд не вмешивается в динамику возникших обязательств, сохраняя тем самым спорное правоотношение неизменным, в такой его стадии и в таком распределении прав и обязанностей, которое не соответствует интересам недобросовестного лица, заявившего требование о том или ином их изменении.

Признание сделки ничтожной является самостоятельным способом защиты гражданских прав, на что часто обоснованно обращается внимание в литературе [19, 20]. Отказ суда в определении спорной сделки как ничтожной, что, как было отмечено, не согласуется с современной теорией ничтожности сделок, однако в

условиях недобросовестного поведения сделавшего такое заявление лица является вполне оправданным. Неконстатация ничтожности сделки в рассматриваемой ситуации с практической точки зрения защищает контрагентов сделавшего такое заявление лица от устранения спорной сделки из оборота и применения последствий недействительной сделки.

Думается, что возможность непринятия судом во внимание указания недобросовестной стороны на ничтожность сделки, которая, бесспорно, объективна и не нуждается в каком-либо судебном подтверждении исходя из природы ничтожной сделки как таковой, является частным случаем отказа в защите права. Игнорирование судом заявления о ничтожности от недобросовестной стороны конвалидирует сделку лишь для ее сторон, связывает ее возникшими из сделки обязанностями с обратной силой. Это, как представляется, полностью соответствует интересам контрагента заявителя о ничтожности, которые состоят в сохранении сделки. Такая конвалидация, однако, не исключает общей ничтожности сделки для всех иных лиц, не препятствует заявлению ими требований о признании ее ничтожной, с учетом в то же время связанности в части прав и обязанностей ее сторон.

Изложенный подход наиболее соответствует правовой природе ничтожных сделок, однако, как справедливо указывается в литературе, конвалидированы в такой ситуации могут быть лишь те сделки, которые не нарушают прав третьих лиц и публичные интересы (п. 2 ст. 168 ГК РФ), а также сделки, которые не совершены с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), что объясняется особой дефектностью таких сделок с точки зрения функционирования публичного порядка.

Список литературы

1. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 9–101.
2. Богданова Е.Е. Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 80–86.
3. Старцева Ю.В. Общие положения недействительности сделок в свете разъяснений Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10 (СПС «КонсультантПлюс»).
4. Тужилова-Орданская Е.М., Низамова Г.Х. Конвалидация недействительных сделок по законодательству России и стран континентальной Европы // Вестник Омского университета. Серия «Право». № 3 (52). С. 64–71.

5. Шухарева А.В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 9–12.
6. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
7. Тузов Д.О. Иски, связанные с недействительностью сделок: Теоретический очерк / Под редакцией Б.Л. Хаскельберга и В.М. Чернова. Томск: Пеленг, 1998. 72 с.
8. Егорова М.А. Конвалидация недействительных договоров на основании принципа *estoppel* в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2014. № 1. С. 13–16.
9. Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 81–88.
10. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007 (СПС «КонсультантПлюс»).
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 6–100.
12. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. 248 с.
13. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в действиях сторон и проблемы оздоровления (конвалидации) недействительных сделок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 8. С. 70–76.
14. Гонгало Б.М., Коновалов А.В., Крашенинников П.В. и др. Гражданский кодекс РФ. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013 (СПС «КонсультантПлюс»).
15. Останина Е.А. Эстоппель и подтверждение сделки // Вестник ВАС РФ. 2013. № 11 (СПС «КонсультантПлюс»).
16. Церковников М.А. Недействительность сделок в новых разъяснениях Верховного Суда РФ // Закон. 2015. № 9. С. 89–97.
17. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.
18. Егорова М.А. Содержание категории «отказ в защите права» как санкции за злоупотребление правом // Гражданское право. 2014. № 5. С. 10–14.
19. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 464 с.
20. Параскевова Д.В. Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способы защиты гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 244 с.

**STATEMENT ON THE INVALIDITY OF A TRANSACTION THAT HAS NO LEGAL BEARING:
PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND DOCTRINE**

V.A. Goncharova

A new interpretation of Clause 5 of Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation is proposed. This approach is based on the qualification of the decision to consider a transaction null and void as a way of protecting civil rights, and on the doctrine of the refusal to protect the right as a court's reaction to the unfair conduct of parties to civil law relations. Using the formal legal method and methods of grammatical and systemic interpretation, the author concludes that the statement of invalidity, referred to in the text of Clause 5 of Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation, is characterized solely as a statement of a transaction's nullity, but not of its voidability. At the same time, the court's disregard of such a statement is a form of refusal to protect the rights of the person who made such a statement because of his unfair behavior towards his counterpart (Clause 3, Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: statement of invalidity, nullity of transaction, good faith, refusal to protect the right, invalidity of transactions, abuse of right.

References

1. Konceptiya sovershenstvovaniya obshchih polozenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 2009. № 4. С. 9–101.
2. Bogdanova E.E. Novelly grazhdanskogo zakonodatel'stva o nedejstvitel'nosti sdelok s pozicii dobrosovestnosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2016. № 8. С. 80–86.
3. Starceva Yu.V. Obshchie polozheniya nedejstvitel'nosti sdelok v svete raz'yasnenij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Sud'ya. 2015. № 10 (СПС «Konsul'tantPlyus»).
4. Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Nizamova G.H. Kon-
- validaciya nedejstvitel'nyh sdelok po zakonodatel'stvu Rossii i stran kontinental'noj Evropy // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». № 3 (52). С. 64–71.
5. Shuhareva A.V. Rol' principa dobrosovestnosti storon v institute nedejstvitel'nosti sdelok // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 11. С. 9–12.
6. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postatejnyj kommentarij k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Elektronnoe izdanie. Redakciya 1.0] / Otv. red. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2018. 1264 s.
7. Tuzov D.O. Iski, svyazannye s nedejstvitel'nost'yu sdelok: Teoreticheskij ocherk / Pod redakciej B.L. Haskel'berga i V.M. Chernova. Tomsk: Peleng, 1998. 72 s.

8. Egorova M.A. Konvalidaciya nedejstvitel'nyh dogovorov na osnovanii principa estoppel v rossijskom grazhdanskom zakonodatel'stve // Yurist. 2014. № 1. S. 13–16.
9. Chernyh I.I. Ehstoppel' v grazhdanskom sudoproizvodstve // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. № 12. S. 81–88.
10. Tuzov D.O. Teoriya nedejstvitel'nosti sdelok: opyt rossijskogo prava v kontekste evropejskoj pravovoj tradicii. M.: Statut, 2007 (SPS «Konsul'tantPlyus»).
11. koncepciya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (odobrena Sovetom pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva 7 oktyabrya 2009 g.) // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 2009. № 11. S. 6–100.
12. Novickij I.B. Sdelki. Iskovaya davnost'. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1954. 248 s.
13. Bogdanova E.E. Princip dobrosovestnosti v dejstviyah storon i problemy ozdorovleniya (konvalidacii) nedejstvitel'nyh sdelok // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2010. № 8. S. 70–76.
14. Gongalo B.M., Kononov A.V., Krasheninikov P.V. i dr. Grazhdanskij kodeks RF. Postatejnyj kommentarij k glavam 1, 2, 3 / Pod red. P.V. Krasheninnikova. M.: Statut, 2013 (SPS «Konsul'tantPlyus»).
15. Ostanina E.A. Ehstoppel' i podtverzhdenie sdelki // Vestnik VAS RF. 2013. № 11 (SPS «Konsul'tantPlyus»).
16. Cerkovnikov M.A. Nedejstvitel'nost' sdelok v novyh raz'yasneniyah Verhovnogo Suda RF // Zakon. 2015. № 9. S. 89–97.
17. Griбанov V.P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav. M.: Statut, 2000. 410 s.
18. Egorova M.A. Soderzhanie kategorii «otkaz v zashchite prava» kak sankcii za zloupotreblenie pravom // Grazhdanskoe pravo. 2014. № 5. S. 10–14.
19. Andreev Yu.N. Mekhanizm grazhdansko-pravovoj zashchity. M.: Norma, Infra-M, 2010. 464 s.
20. Paraskevova D.V. Priznanie sdelki nedejstvitel'noj i (ili) primeneniye posledstvij nedejstvitel'nosti sdelki kak sposoby zashchity grazhdanskih prav: Dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2010. 244 s.